

Читайте также книгу
Ромы Зверя
«СОЛНЦЕ ЗА НАС»

РОМА ЗВЕРЬ

ДОЖДИ-
ПИСТОЛЕТЫ

Москва
2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Оформление переплета и макет *Сергея Коваленко*

Фото на обложке *Анны Макаревич*

Зверь, Рома.

З-43 Дожди-пистолеты / Рома Зверь. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 256 с.

ISBN 978-5-699-99498-4

В самый разгар своей популярности Рома Зверь рассказал о том, что было с ним до группы ЗВЕРИ, в своей книге «Дожди-пистолеты». Откровенный роман о начале пути музыканта моментально стал бестселлером. «Дожди-пистолеты» – это история о провинциальной жизни, о дружбе и предательстве, о формировании характера артиста и о любви.

Записанные когда-то на диктофон рассказы Ромы перенесли на бумагу, и они произвели настоящий фурор среди его поклонников, которые хотели знать о своем кумире все. А он – кумир – не постеснялся и как есть рассказал местами драматическую историю того, как он покорял столицу.

Спустя десять лет Рома Зверь снова включил диктофон, чтобы рассказать историю успеха группы ЗВЕРИ, об этом вторая книга «Солнце за нас».

УДК 821.161.1-94
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Зверь Р., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-99498-4

ОГЛАВЛЕНИЕ

Леха	7
Амазонки	17
Рыбалка	30
Драки	47
Настя	60
Ираида и Оксана	76
Мама, папа	85
Художественное и театральное	99
Строительный колледж	107
Витя Бондарев	121
Деньги	131
Богема	146
Света	159
Культурная жизнь	171
«Мой любимый будущий муж...»	183
Дожди-пистолеты	198
О любви	210
Бриллиантовый волос	222
Досвидос	234
Послесловие	250
Обложка	254

ЛЕХА

Раньше было модно — обмен квартир. Мама моя увлекалась. Наверное, ей было прикольно переезжать из города в город, вот она все время и обменивалась. До сих пор не знаю — зачем, это надо у нее спросить.

Родился я в Таганроге, потом мы переехали в Дружковку, в Донецк, затем в Мариуполь, где прожили шесть лет. Там я окончил школу и проучился год в строительном. В Мариуполе у меня остался лучший друг Леха Макаров.

И в конце концов вернулись в Таганрог. Такой круг получился. Мне было пятнадцать лет. Мы возвращались из Мариуполя в Таганрог втроем: мама, младший брат Паша и я. А еще у меня есть старший брат, мы все трое — от разных отцов, представляешь? У меня были не очень хорошие отношения с отцом младшего брата. Я его не любил, с ним не общался. Да и когда

мы вернулись в Таганрог, мама с ним разошлась. А старший брат Эдик, когда еще учился на тракториста-комбайнера, поехал на практику в колхоз под Мариуполем, там женился и остался.

Мы ехали на автобусе. Ничего я себе такого не думал в тот момент. Думал: вот приедем, я увижу друзей своих старых и буду с ними каждый день. А что думать-то? Может, я, конечно, что и думал, да не помню. Я ехал туда уже по привычке, потому что периодически приезжал в Таганрог к своим старым друзьям.

Я помню, что сразу пошел к Роме Иваненко, моему старому другу, с которым мы еще в детский сад вместе ходили. А кличка у него была Иван.

— Я вернулся в Таганрог, все дела.

— Ну, клево!

Он с приятелями к тому моменту начал музыкой увлекаться. Я тоже на гитаре научился играть: где-то за год до возвращения мама в Мариуполе гитару купила. До этого у меня была какая-то убогая гитара, на которой нельзя было даже нажать струны, потому что они очень далеко от грифа были расположены. Вот мама и купила мне большую гитару «Концертная» львовского производства. Купила в магазине «Орбита», который находился рядом с моим домом на проспекте Metallургов.

— Чем занимаетесь?

— Да вот, — говорит, — на гитарах бренчим.

— А я тоже умею. Типа бренчу.

— Круто! Мы тут группу создаем, будешь бас-гитаристом?

— Буду.

На самом деле мы еще с Лехой в Мариуполе вовсю играли. Собирались ребята с его поселка, и мы играли разные песни. Дворовые, про Афган, Цоя. Все подряд. Это было достаточно жизненным и героическим. Ходили в пивбар, брали по четыре литровых баллона разливного пива, бухали в посадочке придорожной. Играли на двух гитарах. Вино, пиво, девушки, пацаны — и мы с Лехой, в центре внимания, с двумя гитарами. Сидим, разные песни поем, здорово.

Леха? Я в Мариуполе год в строительном отучился, и к нам пришел новичок, который приехал с Урала, из города Красноуральск. Звали его Алексей. Это и был тот самый Леха. Так как-то получилось, что он сел со мной за парту. И мы подружились. Сначала я его в гости пригласил. Потом он меня. Это восьмой класс — по старому, по-новому — девятый.

Как учились на гитаре играть... Да как все! Просто собирались. Один парень знал аккорды, показал. Я, правда, ходил в Мариуполе во Дворец металлургов на уроки к преподавателю. Но там надо было по нотам. Мне это было неинтересно — всякую хрень играть, там Баха или

Скарлатти. Поэтому я выучил аппликатуру, то есть аккорды как ставить. По аккордам было интересно подбирать, как из чего песня строится. Последовательность аккордов, как для этого пальцы надо переставлять, чтобы получалось. Перебор, бой. Вот так и учились, показывали друг другу. Если не знал какого-то аккорда, можно было спросить у кого-нибудь, как брать, как зажимать струны. А потом дома репетировать этот аккорд, пока не выйдет. Я все время дома сидел с гитарой. Я практически спал с ней, даже в туалет ходил. Зашел в туалет, сел. Гриф наверх, иначе она не помещалась. И так круто в туалете было играть! Там же эхо: у-у-у-у, гудела гитара. Здорово, как на концерте! Прямо как электрогитара! А Леха играл на трубе — он учился в музыкальной школе еще в Красноуральске...

Леха жил очень далеко, на окраине города в поселке Горький. На трамвае нужно было минут пятьдесят ехать. И потом еще пешочком минут пятнадцать-двадцать. Это было очень далеко для города Мариуполя, который совсем не такой большой, как Москва. А я жил в районе проспекта Metallургов, около автовокзала. Там обитало несколько хулиганских авторитетов, не очень сильно криминальных, а таких... на уровне района. И поэтому меня не трогали, я, конечно же, знал, что нужно назвать несколько фамилий,

кликчек, чтобы от меня отстали. Такие вот были отношения.

После школы — либо к Лехе, либо ко мне. Чаще всего ко мне, до меня же было ближе: на трамвае «тройке» двадцать минут и от остановки до моего дома минут десять. И вот мы приезжали ко мне. У меня был магнитофон, тогда только-только появились такие модернизированные, под названием «Весна». Большой стоячий кассетник со встроенным микрофоном. И мы с Лехой пели песни под гитару и записывали.

Когда уезжала моя мама, мы оттягивались. Как у всех молодых людей случается праздник, когда родителей нет дома. Квартира свободна, можно делать все что хочешь — взрослая жизнь! А мама очень часто уезжала. Она пыталась заниматься коммерцией. В Санкт-Петербурге почему-то не было грецких орехов. Поэтому мама покупала грецкие орехи, приезжала в Санкт-Петербург и там продавала. Они там нереально дорого стоили. Она часто уезжала с Пашей, и я оставался один.

Мы с Лехой брали выпить. Была такая водка в Мариуполе — «Гайдамацька». От слова «гайдамаки». Это казаки такие. Водка была разлита в бутылки, которые называли «Чебурашками». Не водочные, а лимонадные. Да мы выпивали-то чуть больше половинки, а остальное выливали наутро в раковину, потому как больше не могли.

Мы не просто так бухали, мы жарили картошку, рюмочки ставили, сервировали журнальный столик и сидели — культурно выпивали.

И каждый раз мы записывали на магнитофон наши посиделки, как мы выпиваем, чокаемся, поем. Мы воображали, что у нас на этой вечеринке есть девушки. У меня была кошка Рита. И мы орали: «Эй, Ритка! Куда пошла? Иди сюда, что за дела?» Оралы, хохотали, подзывали несуществующих девочек — в общем, взрослая жизнь! А потом слушали запись и смеялись над собой же.

И, конечно, записывали, как на гитарах играли. Это было очень кайфово, потому что из двух гитар получается музыка. Ритм-гитара играла гармонию, аккорды. А вторая — мелодию. И вместе было очень прикольно слушать.

Играли, пели песни, все те же — дворовые, Цоя, Розенбаума. Напивались и пели. Пару раз соседи приходили ругаться, но мы просто замолкали и минут 10–15 на цыпочках ходили, чтобы не спалиться.

И курили в форточку сигареты «Морэ». Такие длинные черные, в зеленой пачке, только-только тогда появились. Ага, ментоловые. Да не было тогда никакой разницы — мужские или женские, курили все подряд. Круто! А еще мы с ним ходили под окна и собирали бычки от «Космоса», когда не было денег. Мы тогда только курить

начинали. Покурим бычков больших — уау! Штырит! Голова кружится!

А Леха, он в то время начал знакомиться с Юлей, с которой они впоследствии и поженились. Ну а я ни с кем особо не встречался. В доме напротив моей двенадцатизажки жили две сестрички. У нас был двор... Как в Питере — колодец называется, да? В этом колодце была девятиэтажка, в четвертом подъезде жили они. И мы со старшим братом Эдиком на пару за ними ухаживали. Потом он уехал на практику в колхоз, женился и остался там жить... А тогда мы ухаживали за этими сестрами: Эдик — за старшей Светой, а я — за младшей Инной. Она была очень красивая.

Помню, я и Леха за компанию воровали для них розы. Наш проспект Metallургов — две полосы движения, а посередине — аллея с розами. Немало мы с ним этих роз поотрезали! У меня тогда были такие коричневые штаны — «бананы», в которых было много карманов. Пошиты они были из какой-то болоньи, очень жесткой ткани. Там внизу был кармашек длинный, куда очень красиво помещался ножик. Перочинный, выкидуха. Такой — тыдыщщщщ — нажимаешь на кнопочку, и вылетает лезвие. Настоящая финка. Ночью мы выходили на ту аллею. Мимо изредка проезжали «бобики» милицейские, потому что время (93–94-е гг.) было беспокойное — улица

на улицу, район на район. И каждый раз, когда «бобик» проезжал по проспекту, мы прятались в кусты с розами. Обкалывались этими розами, все в царапинах были. И вот мы резали розы, потом заходили к сестричкам на пятый этаж и клали розы под дверь. Огромную охапку. Нереальное количество роз, сколько могли унести в руках. Клали цветы и уходили... Конечно, догадывались. Ну а кто еще? Были симпатии, записки всякие. Это же видно, когда говорят какие-то фразы короткие друг другу. Потому что, когда говоришь «привет», можно сказать «привет», а можно *«привет»*. Да? И сразу понятно, что человек к тебе неравнодушен.

А Леха еще до моего отъезда стал ухаживать за Юлей, которая жила в поселке Горький. Мы вдвоем ходили в гости к ней. И я стал своим у них в районе. Как-то мы выпили у меня на Metallургов. Не то праздник был, не то день рождения у кого-то. А! Мы стипендию получили. Потом взяли шампанского, как джентльмены, и поехали к Юле. У Юли была подружка. Женька звали ее. И чего-то мы вчетвером тусили.

А потом мы с Лехой легли на рельсы. Там проходило железнодорожное полотно. Metallургический завод недалеко от этого поселка был. Ходили составы, возили руду, хрень всякую... И мы лежали на рельсах, девки визжали:

«Дураки! Вставайте немедленно! У нас сейчас разрыв сердца будет!!!»

А мы лежали на рельсах и бухали шампанское. Нам это нравилось, что за нас переживают. А мы герои такие. Мы были абсолютно счастливы... ну, мы сами, конечно, вставали. Но нам хотелось, чтобы нас подняли. Потому что мы не боимся ничего. Мы смелые ребята...

Вот так мы с Лехой дружили, окончили девять классов средней школы. Потом я поступил в строительное училище там же, в Мариуполе, где отучился первый курс. А Леха пошел учиться в музыкальное училище по классу трубы. Но даже когда мы поступили в разные училища, мы по-прежнему дружили. Мы все равно встречались, выпивали, играли на гитарах, приезжали к нему в район, там пацаны были. Он мне рассказывал какие-то истории, как они там дрались. Поселок на поселок.

В Мариуполе мы тогда с ним не замутили группу. Во-первых, не с кем было. Он чего-то предлагал, у него же в музучилище много было знакомых. Но нам не до этого было. Мы просто песни играли. Даже это еще тогда плохо получалось. Гуляли, пили, учились. Мы к тому моменту еще не осмыслили, что можно группу делать. Тут хотя бы чтобы две гитары вместе звучали, а уж группу... Да и сочинять я не пробовал тогда.